

Один из любимых наших писателей, много и напряженно работавший, государственный — в высоком смысле этого слова — человек: председатель правления Союза писателей Грузии, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской премии. Государственной премии Грузинской ССР имени Шота Руставели, премии Ленинского комсомола, тяжело болевший в последние годы, Нодар Владимирович Думбадзе до самого конца был глубоко неравнодушен к спорту.

С поразительной точностью, образностью и... я бы сказал, праздничностью интонации писал он о родной Грузии, с истинным, неподдельным оптимизмом рассказывал о маленьком горном селе и о большом столичном городе, об открывавших для себя мир мальчишках и об умудренных опытом взрослых мужчин. В романах «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Закон вечности», «Белые флаги» не так уж много говорится о спорте, но само стремление к рыцарственному состязанию и сопереживание участникам честного и бескомпромиссного поединка, которые, можно сказать, в крови у всякого грузина, Думбадзе выразил широко и полно.

ВОЗРАСТ ВОЗМУЖАНИЯ

Воспоминания о встречах с писателем, лауреатом Ленинской премии Нодаром Думбадзе

В журналистском блокноте сохранились записи размышлений и воспоминаний писателя, впечатления от нескольких встреч с ним. Сохранилась и память о том, как приветливо, легко, свободно говорил он, хотя в ту пору нагнуться к нижней полке шкафа, чтобы достать книгу в подарок собеседнику, ему было уже трудновато...

— Писателя часто путают с его героями. Вот так меня после выхода романа «Я, бабушка, Илико и Илларион» стали считать юношей, выросшим в деревне. На самом деле я парень городской, родился в Тбилиси, в старом квартале, нравы которого описаны в повести «Кукарача». А в горной деревне Хидистави у бабушки с дедом прожил только четыре года. Правда, это были важные для мужчины годы — те, что называются отрочеством. Поэтому, наверное, я так хорошо помню и так сильно люблю гурьские села, трудолюбивых и веселых крестьян.

Помню я спорт нашего детства. У нас тогда не было каких-то секций или спортивных школ, не то, что теперь. Зато в почете были народные спортивные игры, которым нас, кажется, никто не учил, они сами передавались из поколения в поколение. Вот, к примеру, лахты — игра, где нужно отнимать ремень у соперника. Занятие это требовало изрядного мужества, поскольку ремень больно лупил по рукам и плечам. Или еще игра, в которой надо было выбивать крашенные грецкие орехи специальной биткой — большой костью со свинцом, залитым вовнутрь. Или благородный кулачный бой (третий в поединок не вмешивался, ниже пояса бить запрещалось, а уж лежачего стукнуть — это по неписаному мальчишескому кодексу чести считалось делом последним).

Еще играли в жмурки, в «казаки-разбойники», бегали наперегонки, соревновались, кто дальше прыгнет, учились пере-

ходить по поваленному стволу через быстрые ручьи, овраги и вообще всяко старались показывать друг другу свою удачу. Ну, понятно, увлекались грузинской национальной борьбой чхадобой — боевые, звонкие звуки народных инструментов, звучащие перед схваткой, до сих пор будят во мне смутное желание выйти в круг... Я был маленького роста, но не трусливым, постоять за себя умел всегда — а без этого разве вырастают мужчины?

Настоящую борьбу я впервые увидел в цирке — о, какое это было зрелище! В этот «спортивный театр» хожу всю жизнь. Сажусь всегда в первый ряд и замираю, когда гимнастка крутит сальто под куполом, и смеюсь до слез, когда на манеж выбегают клоуны, и обижаясь, как маленький, когда фокусник приглашает на арену добровольцев для участия в какой-нибудь веселой затее, а меня уже не берут...

Цирк — искусство честное и

смелое. Тут все, как на ладони: умеешь подбрасывать семь шариков и не ронять — значит, мастер. А на мастерскую работу смотреть бесконечно интересно. То же, по сути, и в спорте. Техника бега классного спринтера не только рациональна, экономна, выигрышна — она еще и красива.

Почти мальчишеский восторг испытывал я не так давно, когда меня вместе с другими писателями пригласили посмотреть показательный рукопашный бой парней из десантных войск. Как они крушат кирпичи голыми руками, как взлетают вверх по вертикальной стене, как метают кинжалы в цель, как заколачивают гвозди ладонями! Тут воздействует не только обаяние замечательного умения — тут душу мою греет сознание, что такие солдаты сумеют отстоять свою страну.

Когда-то я решил написать книгу о пограничниках, и мне предложили побывать на какой-

нибудь заставе. Но я, по правде говоря, не очень верю в «литературные десанты», когда за три дня собирают материал для целой повести. И пошел служить офицером на границу. Провел там несколько месяцев и, кажется, немножко понял службу и служивых людей. Могу сказать вполне определенно, что тому, кто не занимается спортом всерьез, трудно придется в армии. Конечно, там научат, но то, что познается в детстве, дается гораздо меньшими усилиями.

Время спорта в мою пору наступало позже, чем теперь. Настоящие тренировки следовали за детскими играми, продолжали, а не заменяли их. Уже старшеклассником начал я играть в футбол. Моими соседями по дому были известные тогда футболисты Сомов и Асламзоев. Они много занимались с ребятами во дворе, приносили нам свои мячи и бутсы, показывали хитроумные приемы. Мы часами стучали по мячу в узких тбилисских двориках (в селе эта игра как-то не прижилась — горы кругом, ровных площадок мало, и они не для игр, а для земледелия предназначались, а на крутом косогоре мяч не погоняешь и из бурной реки его не выудишь). Так

вот поначалу мое место было в воротах. Но однажды я, подобно легендарному Антону Кандидову из фильма «Вратарь», вышел из ворот, промчался через все поле и забил гол. С тех пор я стал признанным левым краем нашей команды.

Из обычного дворничьего дома сделал турник и вскоре научился крутить на нем настоящее «солнце», но гимнастом так и не стал. Начал было заниматься штангой, но и к этому делу не прикипел. Студентом записался в боксерскую секцию, но однажды на тренировке попал в нокаут, словом, бокс я тоже забросил. Но любовь к спорту, ощущение, что это — не чуждое мне занятие, понимание некоторых тонкостей состязания остались во мне навсегда.

Желание побеждать — в природе человека. Мне кажется, что пьедестал почта с его тремя ступеньками, расположенными на разной высоте, — мудрое изобретение. Вот видите, душлый маленький паренек, а стоит выше всех! Он победил не только соперников, но и самого себя, скудость данных, отпущенных ему от рождения, то, что другие сочли бы недоли-

мым недостатком. Он — истинный герой. И не следует бояться высоких слов в оценке высоких спортивных достижений.

Расскажу смешную историю. В моем детстве считалось, что при коклюше ребятишкам помогает разреженный воздух. И когда мы с двоюродными братьями заболели этим нередким недугом, родители устроили нам лечебный полет на «кукурузнике». Братев моих силой впахивали в самолет, а я, пяти лет от роду, вошел сам и потом стойчески вытерпел бултыхание в небесах. Летчик оглянулся, подмигнул мне из-под массивных очков «консервов» и под рев мотора показал большой палец: молодец! Мне и вправду полетало. А главное, я на всю жизнь запомнил чувство победы над собой, над своим страхом, над своей беспомощностью...

Детей, я полагаю, надо воспитывать не риторикой, а личным примером, поступком. Дед мой Кишварда учил меня работать мотыгой и плести корзины, доверял мне топор и даже ружье, отпускал ночью одного на мельницу, а идти надо было далеко, по пустынной горной дороге. Он спешил, чтобы я при жизни его стал мужчиной.

Юношеский инфантилизм, о котором мы с такой горечью говорим и пишем сегодня, в ту пору был невозможен. «Стоять здесь. Иди туда. Не трогай острых предметов. Не играй со спичками», — разве не так начинается порой воспитание ребенка?

А в спорте? Он резко омолодился в последние десятилетия, и я понимаю некоторых тренеров, которые почувствовали себя няньками. Понимаю, но не одобряю. Уподобляясь иным неразумным матерям, наставники окружают жизнь своих подопечных сплошным частоколом запретов, ограничений, указаний, так что места для инициативы почти не остается. А потом учитель удивляется, что его ученик, успевший стать здоровенным верзилкой, пасует перед неожиданными обстоятельствами. Привыкшие ни за что не отвечать, такие ребята, как я замечал, даже и самое досадное поражение переносят без особого волнения.

Деревенские мальчишки, в отличие от многих городских своих сверстников, рано ощущают себя взрослыми. Помню, как к моей бабушке пришла соседка попросить спичек, которых в те годы, конечно, не хватало. Моя добрейшая и ще-

рейшая бабушка глянула на меня и ответила: «Я должна спросить у мужчины...». Несколькими годами раньше в Хидистави, и кто-то из односельчан показал мне высокий колючий забор: «Вот эту ограду ты перемахнул у меня на глазах, когда в опасности оказался соседский малыш!». Я сначала не поверил, а потом вдруг вспомнил тот случай, и отчаянный крик ребенка, и утыканный колючками забор. Ведь и в самом деле перепрыгнул, не думая о высоте преграды. Опутал, наверное, что я — мужчина и что, кроме меня, помочь в это мгновение некому.

Спорт для мальчишки — это игра. Но еще и род нелегкого труда. Полей свое поле потом, и оно родит хороший урожай. В случайное везение я не верю. То же самое говорю и своим внукам. Старший, Нодар, уже неплохо бегае на лыжах, а плавать и нырять просто хорошо, готов кулаться часами, до посинения. Младший, Леван, до спорта еще не дорос, ходит в детский сад и мечтает стать пиратом, а кто из нас, если говорить честно, об этом не мечтал?..

И глаза Нодара Владимировича молодо и лукаво сверкнули

из-под седеющих кустистых бровей. Литературные заботы давно уже помились в дверь его кабинета в Союзе писателей, принимая облик то старого поэта с львиной гривой волос, то солидной дамы с набитым рюкзаками мужским портфелем, то юнши с пробивающимися усиками, который вошел с пустыми руками, поскольку, как видно, знал свои творения наизусть...

На прощание Думбадзе подарил мне свою книгу, объединяющую под одной обложкой романы «Закон вечности» и «Белые флаги». Я открыл книгу и встретил строки, которые хочется процитировать здесь (речь в них идет о дискуссии между парнями из тбилисского района Верэ — вы помните это название до фильма «Мелодии Верийского квартала»).

«После политики настал черед футбола. Тут дело пошло на лад. Во всем мире нашелся один-единственный человек, удовлетворяющий спортивным и моральным требованиям верийской молодежи, — Борис Пайчадзе».

Нет, не случайно писатель свел вместе требования моральные и спортивные. Эти два понятия для него всю жизнь были связаны неразрывно.

С. ВИШНЯКОВ.